

85.143(4Инд)-8

B17

CA-406410

16+

Письма к брату Тео — Винсент Ван Гог

Я Р К И Е С Т Р А Н И Ц Ы

Винсент Ван Гог

Письма к брату Тео

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
2024

ca-406410

ничего не было связано с тем обстоятельством, что в 1805 году Карл Мордехай в эти дни находился в составе «миссии» восточных пеленгов, которые тоже в этот период находились в Японии. Мы считаем, что и этот случай связан с тем, что в 1805 году в этот момент, когда он находился в Японии, Карл Мордехай находился в составе «миссии» восточных пеленгов, которые тоже в этот период находились в Японии.

Оглавление

(М) миссия в Л.	(П) миссия в Л.	(Т) миссия в Л.	Стр.
Голландский период			5
Французский период			189
1805	1805	1805	1
1806	1806	1806	2
1807	1807	1807	3
1808	1808	1808	4
1809	1809	1809	5
1810	1810	1810	6
1811	1811	1811	7
1812	1812	1812	8
1813	1813	1813	9
1814	1814	1814	10
1815	1815	1815	11
1816	1816	1816	12
1817	1817	1817	13
1818	1818	1818	14
1819	1819	1819	15
1820	1820	1820	16
1821	1821	1821	17
1822	1822	1822	18
1823	1823	1823	19
1824	1824	1824	20
1825	1825	1825	21
1826	1826	1826	22
1827	1827	1827	23
1828	1828	1828	24
1829	1829	1829	25
1830	1830	1830	26
1831	1831	1831	27
1832	1832	1832	28
1833	1833	1833	29
1834	1834	1834	30
1835	1835	1835	31
1836	1836	1836	32
1837	1837	1837	33
1838	1838	1838	34
1839	1839	1839	35
1840	1840	1840	36
1841	1841	1841	37
1842	1842	1842	38
1843	1843	1843	39
1844	1844	1844	40
1845	1845	1845	41
1846	1846	1846	42
1847	1847	1847	43
1848	1848	1848	44
1849	1849	1849	45
1850	1850	1850	46
1851	1851	1851	47
1852	1852	1852	48
1853	1853	1853	49
1854	1854	1854	50
1855	1855	1855	51
1856	1856	1856	52
1857	1857	1857	53
1858	1858	1858	54
1859	1859	1859	55
1860	1860	1860	56
1861	1861	1861	57
1862	1862	1862	58
1863	1863	1863	59
1864	1864	1864	60
1865	1865	1865	61
1866	1866	1866	62
1867	1867	1867	63
1868	1868	1868	64
1869	1869	1869	65
1870	1870	1870	66
1871	1871	1871	67
1872	1872	1872	68
1873	1873	1873	69
1874	1874	1874	70
1875	1875	1875	71
1876	1876	1876	72
1877	1877	1877	73
1878	1878	1878	74
1879	1879	1879	75
1880	1880	1880	76
1881	1881	1881	77
1882	1882	1882	78
1883	1883	1883	79
1884	1884	1884	80
1885	1885	1885	81
1886	1886	1886	82
1887	1887	1887	83
1888	1888	1888	84
1889	1889	1889	85
1890	1890	1890	86
1891	1891	1891	87
1892	1892	1892	88
1893	1893	1893	89
1894	1894	1894	90
1895	1895	1895	91
1896	1896	1896	92
1897	1897	1897	93
1898	1898	1898	94
1899	1899	1899	95
1900	1900	1900	96

Голландский период

Гаага, август 1872 — май 1873

Винсент Биллем Ван Гог родился 30 марта 1853 г. в Гроот Зюндерте (Северный Брабант) в семье пастора Теодора Ван Гога (1822–1885).

Скитания и мытарства будущего художника начались 30 июля 1869 г., когда шестнадцатилетний Винсент поступил младшим продавцом в гаагский художественный салон — филиал парижской фирмы «Гупиль и К°». Отсюда в 1872 г. Винсент пишет первые письма своему младшему брату Тео, который еще живет с семьей и учится в школе.

Решение определить Винсента, а вслед за ним и Тео (Теодора Ван Гога-младшего, 1857–1891) в торговлю художественными произведениями укрепилось в семье под влиянием дядей: Хендрика Винсента (дядя Хейн), Винсента (дядя Сент, или, как он иногда упоминается в письмах, дядя С.), компаньона фирмы «Гупиль и К°», и Корнелиса Маринюса (дядя Кор, или, как он часто называется в письмах, К. М.). Все три дяди были торговцами картинами и эстампами.

Лондон, июнь 1873 — май 1875

В мае 1873 г. Винсент был переведен из Гааги в Лондонский филиал фирмы. Здесь, в Лондоне, Ван Гог переживает первую любовь и первое разочарование (дочь квартирной хозяйки, в которую Винсент был влюблен, уже тайно обручилась). В подавленном состоянии проводит он дома свой отпуск (июль 1874 г.). С этих пор он ведет замкнутый образ жизни и начинает проявлять болезненный интерес к религии, что в значительной мере было предопределено воспитанием Винсента в семье сельского пастора. Дядя

Сент, желая исправить положение, добивается в октябре 1874 г. временного перевода Винсента в Париж. Январь — первую половину мая 1875 г. Винсент снова проводит в Лондоне.

Париж, май 1875 — март 1876

В середине мая 1875 г. Винсент против своего желания был снова переведен в Париж. Работа в художественном салоне постепенно все более претит ему. 1 апреля 1876 г. Винсент навсегда расстается с фирмой «Гупиль и К°».

Рамсгейт и Айлворт, апрель–декабрь 1876

После разрыва с фирмой «Гупиль и К°» в жизни Ван Гога наступает длительный период поисков и блужданий. Его всегдашнее желание быть полезным людям находит в это время выход в стремлении стать учителем, а затем, под влиянием усиливающегося болезненного интереса к религиозным вопросам, проповедником.

В апреле 1876 г. он с согласия родителей принимает место учителя и воспитателя в частной школе мистера Стокса в Рамсгейте в Англии. В июне школа, а вместе с ней и Винсент переезжают в Айлворт. Перерыв в занятиях он использует для посещения Лондона и Уэлина, где в это время живет его сестра Анна. С 1 июля он работает помощником проповедника в школе методистского пастора мистера Джонса.

Дордрехт, январь–апрель 1877

Начало 1877 г. Ван Гог работает продавцом в книжном магазине фирмы «Блюссе и ван Браам» у господина Браата в Дордрехте, но идея «служения Богу и Евангелию» не оставляет его. Ван Гог решает поступить на богословский факультет Амстердамского университета.

Амстердам, май 1877 — июль 1878

Вся семья Ван Гог с участием отнеслась к стремлению Винсента учиться: родители оказывали материальную помощь, дядя Ян (Ян Ван Гог, директор Амстердамской морской верфи) предоставил жилище, дядя Стриккер (муж старшей сестры матери Винсента,

священник) взял на себя наблюдение за учебой. Подготовительные занятия должны были продолжаться два года. Но Винсент выдержал только один год. Жажда практической деятельности и разочарование в университетской теологии заставили его бросить учебу.

30 мая 1877

В твоём письме была фраза, поразившая меня: «Я хотел бы уйти от всего, я сам причина всего и доставляю другим лишь неприятности, я один навлек эту беду на себя и других». Эти слова так поразили меня потому, что точно такое же чувство, то же самое, ни больше ни меньше, испытываю в душе я. Когда я думаю о прошлом, когда я думаю о будущем — о почти непреодолимых трудностях, о большой и тяжелой работе, к которой у меня не лежит душа и от которой я, вернее, мое дурное «я» охотно бы уклонилось; когда я думаю о многих людях, чьи глаза наблюдают за мной, я предвижу, что, если у меня ничего не выйдет, они поймут, в чем дело, и не станут осыпать меня мелочными упреками, но, будучи искушены и опытны во всем, что хорошо, честно и справедливо, всем своим видом скажут: «Мы помогали тебе и были для тебя светочем; мы сделали для тебя все, что могли. В полную ли меру своих сил ты трудился? Где же плоды нашего труда и награда за него?» Видишь ли, когда я размышляю обо всем этом и еще о многих вещах, слишком многих, чтобы я мог тебе их перечислить, — о трудностях и заботах, которые отнюдь не уменьшаются с возрастом, о страданиях, разочарованиях, о страхе перед неудачей и даже позором, — тогда и мне не чуждо это желание — уйти от всего!

И все же я иду вперед, но осторожно и в надежде, что мне удастся побороть все эти опасения, что я найду ответ на упреки, которые угрожают мне; иду с верой, что, несмотря на все стоящие передо мной препятствия, я все же достигну желанной цели и, если захочет Бог, оправдаюсь в глазах тех, кого люблю, и тех, кто придет после меня.

чтобы на картины нашелся покупатель, они тоже должны быть энергичными...

Настоящее наслаждение работать кистями высшего сорта, иметь в достатке кобальт, кармин, ярко-желтый и киноварь хорошего качества.

Самые дорогие краски иногда бывают самыми выгодными, особенно кобальт: восхитительные тона, которые можно получить с его помощью, не сравнимы ни с одной другой синей краской.

Конечно, качество краски еще не определяет успеха картины в целом, но оно придает ей жизнь...

28 декабря 1885

Как только я получил деньги, я пригласил красивую модель и написал голову в натуральную величину. Она совсем светлая, если не считать черных волос; голова сама по себе просто помещена на фоне, которому я попытался придать золотое мерцание света.

Вот тебе моя цветовая гамма: телесный тон, на шее немножко бронзоватый, иссиня-черные волосы (черный я вынужден был составить из кармина с прусской синей), на блузке — тусклый белый; фон — светло-желтый, много светлее, чем белый. В иссиня-черных волосах пунцовая нота, вторая такая же нота — пунцовая ленточка на тусклом белом.

Это девушка из кафешантана, и все-таки у нее то выражение, которое я искал, — довольно Ессе-Номо¹-подобное.

Но так как я хочу быть правдивым именно в выражении, что бы я сам при этом ни думал, то я попытался выразить портретом следующее.

Когда эта модель пришла ко мне, по ней было видно, что она была очень занята последние несколько ночей. Девушка сказала мне нечто очень характерное: «Шампанское меня не веселит — мне от него становится грустно».

Так я узнал то, что хотел; а затем я попытался выразить нечто сладострастное и в то же время душераздирающее...

¹ Ессе-Номо (лат.) — двойственно.

Против таких моделей нельзя ничего возразить даже с самой высокой художественной точки зрения: изображать человека было задачей старого итальянского искусства, это делал Милле и делает Бретон.

Весь вопрос в том, с чего начинаешь — с души или с платья; в том, служит ли форма вешалкой для лент и бантов или средством передачи впечатления и чувства; в том, действительно ли ты моделируешь ради моделирования или потому, что это так бесконечно красиво само по себе.

Первое обстоятельство второстепенно, а вот два последних — непременно условие высокого искусства.

Меня очень порадовало, что позировавшая мне девушка захотела иметь свой портрет моей работы — такой же, как я сделал для себя. И она пообещала, что, как только сможет, позволит мне написать ее в костюме танцовщицы и сделать этот этюд у нее дома. В данный момент это неосуществимо, потому что хозяин кафе, где она работает, возражает против того, чтобы она позировала...

В последние дни мысли мои все время заняты Рембрандтом и Хальсом, но не потому, что я вижу много их картин, а потому, что среди здешних жителей попадаетея много таких, чьи типы напоминают мне эпоху, когда жили эти художники.

Я продолжаю часто посещать народные балы, чтобы наблюдать головы женщин, матросов и солдат. Плати двадцать—тридцать сантимов за вход, закажи стакан пива (спиртного там потребляют мало) и можешь развлекаться хоть целый вечер; я, во всяком случае, развлекаюсь, глядя, как веселятся эти люди...

Я заметил, что в результате недоедания у меня пропал аппетит; когда я получил от тебя деньги, я не мог есть — не варил желудок; но я постараюсь, чтобы все снова пришло в порядок. Это, однако, не мешает мне сохранять всю мою энергию и ясность мысли, когда я сижу за работой. Но работа на свежем воздухе мне уже не по плечу: я чувствую себя слишком слабым для нее.

Французский период

Париж, март 1886 — февраль 1888

Винсент поселяется у брата, который квартирует в это время на улице Лаваль. Он записывается в ателье Кормо, где знакомится с Анкетеном, Тулуз-Лотреком и Эмилем Бернаром. В июне 1886 г. братья переезжают на Монмартр, ул. Лепик, 54, где Винсент получает собственную мастерскую. Одновременно он много работает на открытом воздухе, полотно с импрессионистами высветляет его палитру. Весной 1887 г. Винсент встречается с Гогеном, с торговцем красками папашей Танги и со многими молодыми французскими живописцами. Ван Гог продолжает собирать цветные гравюры старых японских графиков Утамаро, Хирошиге и Хокусай, которыми он увлекался еще в Антверпене, и внимательно изучает произведения Монтичелли и Делакруа. Это помогает ему критически относиться к урокам импрессионистов. В Париже Винсент впервые получает возможность показать свои произведения публике — на выставке, вместе с Анкетеном, Бернаром и Тулуз-Лотреком в кафе «Тамбурин». Но ни одно из его произведений не было продано. Винсент по-прежнему находится в содержании брата. Сознание этого угнетает его.

В Париже Винсент работал исключительно интенсивно — за два года им было создано около 200 картин и 50 рисунков. Большую часть его живописных произведений составляли натюрморты (85 картин, главным образом изображения цветов), 30 было посвящено Монмартру — окрестностям, фабрикам и фабричным дворам. Из портретных работ этого времени наряду с 23 автопортретами следует назвать такие незначительные произведения, как портреты папаши Танги, Агостины Сегатори из кафе «Тамбурин».

Напряженная работа и горячие споры о судьбах искусства измотали нервы художника, в надежде отдохнуть от Парижа и в общении с людьми и природой Южной Франции набраться новых сил Винсент едет в Арль.

Париж, март 1886

Мой дорогой Тео,

Не сердись на меня за неожиданный приезд. Я все взвесил и думаю, что таким образом мы выиграем время. Буду в Лувре к полудню, а если хочешь, то и раньше.

Дай мне, пожалуйста, знать, в котором часу ты можешь прийти в Квадратный зал. Что касается расходов, то повторяю: я уложусь в ту же сумму. У меня, разумеется, еще есть деньги, и я не пойду ни на какие траты, прежде чем не посоветуюсь с тобой. Вот увидишь — все уладится.

Итак, приходи туда — и пораньше.

Лето 1887

Мой дорогой друг,

Я отправился-таки в «Тамбурин». Не сделай я этого, люди подумали бы, что я струсил.

Итак, я объявил Сегатори, что в этом деле я ей не судья: пусть судит себя сама. И еще — что я порвал расписку, но что она обязана вернуть все картины; что, если она не причастна к случившемуся со мной, пусть зайдет ко мне завтра и что я решил так: раз она не зашла ко мне, значит, она знала, что со мной собираются затеять ссору, хотя и пыталась предупредить меня, сказав: «Убирайся отсюда!» — фразу, которой я не понял, да, вероятно, и не захотел бы понять.

На все это она ответила, что картины и прочее в моем распоряжении. Она утверждает, что ссору затеял я сам. Это не удивляет меня: я ведь знаю, что ей изрядно достанется, если она станет на мою сторону.

Входя в «Тамбурин», я заметил того парня, но он тут же скрылся.

Забрать картины немедленно я не захотел, а просто предупредил Сегатори, что мы поговорим о них после твоего возвращения, так как они принадлежат не только мне, но, в равной мере, и тебе, а покамест пусть она еще раз поразмыслит над случившимся. Выглядит она неважно — лицо прямо-таки восковое, а это плохой признак.

Ей якобы неизвестно, что тот парень заходил к тебе. Если это правда, я еще больше склонен думать, что она не подстроила скандал, а, напротив, всячески старалась дать мне понять, что меня вызывают на ссору. Она же не может поступать так, как ей хотелось бы. Словом, я ничего не предприму до твоего приезда.

За время твоего отсутствия я написал две картины.

В кармане у меня сейчас всего два луидора, и я боюсь, что не растяну их до встречи с тобой.

Заметь, что, когда я начинал работать в Аньере, у меня было много чистого холста, да и папаша Танги был со мной очень хорош. Он-то, в общем, не переменял ко мне отношения, но эта старая ведьма, его жена, все высмотрела и взялась на меня. На днях я накричал на нее и объявил, что, если я перестану у них покупать, так это только ее вина. Папаша Танги мудро отмолчался, но, несмотря ни на что, сделает все, о чем я ни попрошу.

Тем не менее работать, как видишь, мне нелегко. Сегодня видел Лотрека. Он продал одну картину — кажется, с помощью Портье. Он принес мне показать акварель г-жи Месдаг — вещь, по-моему, очень красивую.

Надеюсь, поездка развлечет тебя. Передай от меня самый сердечный привет маме, Кору и Вил.

Если в твоих силах устроить так, чтобы в ожидании твоего приезда мне пришлось тут не очень круто, пришли еще малость денег, а я постараюсь написать для тебя новые вещи — я ведь за свою работу совершенно спокоен. Правда, мне несколько мешало опасение, как бы меня не сочли трусом, если я не появлюсь в «Тамбурине», но теперь я там побывал и снова нахожусь в безмятежном настроении.

Поэтому, поправившись, я начну сызнава, но, вероятно, уже не поднимусь вторично на ту высоту, с которой меня наполовину сбросила болезнь...

Видел ли ты мой автопортрет, который находится у Гогена, и автопортрет Гогена, сделанный им в последние дни перед этой историей?

Если ты сравнишь последний автопортрет Гогена с тем, который он мне прислал из Бретани в обмен на мой и который я храню до сих пор, ты увидишь, что он заметно успокоился за время пребывания здесь.

17 января 1889

Я ждал письма от тебя числа десятого, а оно прибыло лишь сегодня, 17 января, следствием чего явился семидневный строгий пост, тем более тягостный для меня, что в таких условиях мое выздоровление, естественно, приостанавливается.

Тем не менее я возобновил работу и уже сделал три этюда, а также портрет г-на Рея, который подарил ему на память.

Словом, ничего плохого со мной не случилось, если не считать того, что мои боли и беспокойство несколько усилились. Я, как и раньше, полон надежд, но испытываю слабость, и на душе у меня тревожно. Думаю, что все это пройдет, как только силы мои восстановятся.

Рей уверяет, что случившееся со мной может произойти с каждым впечатлительным человеком и что сейчас я страдаю только малокровием и мне нужно как следует питаться. Я же взял на себя смелость возразить г-ну Рею, что, хотя самое главное для меня сейчас — это восстановить силы, мне, возможно, случайно или вследствие недоразумения придется серьезно попоститься еще с неделю. Также я спросил его, не случалось ли ему иметь дело с помешанными, которые в сходных обстоятельствах вели себя спокойно и даже находили в себе силы работать; а если не случалось, пусть он все-таки сообразовалит вспомнить, что я еще не помешался. Так вот, прими во внимание, что эта история перевернула весь дом, что мое белье и одежда оказались вконец пере-

пачканы, и согласись, что я не позволил себе никаких излишних, неоправданных или необдуманных трат. Совершил ли я ошибку, когда, вернувшись домой, уплатил то, что задолжал людям, почти столь же нищим, как я сам? Мог ли я что-нибудь сэкономить? Наконец сегодня, 17-го числа, я получил 50 франков. Из них я первым делом вернул 5 франков, занятых мною у содержателя кафе, и расплатился за те 10 порций еды, которые я получил в кредит за истекшую неделю, что составило в итоге 7,50 франков.

Кроме того, я должен рассчитаться за белье, которое мне дали в лечебнице, а также починить ботинки и штаны, что в целом составляет около 5 франков.

За дрова и уголь, купленные ранее, в декабре, а также на будущее, не меньше чем 4 франка. Прислуге за 2-ю декаду января 26,50 франков. Завтра, когда я со всеми расплачусь, у меня останется чистыми 23,50 франка. Сегодня 17-е, надо прожить еще 13 дней. Спрашивается, сколько же я могу тратить в день? Да, забыл прибавить те 30 франков, что ты послал Рулену. Из них он погасил задолженность за дом в декабре — 21,50. Вот, дорогой брат, мой баланс за текущий месяц. Но это еще не все: прибавим сюда твои расходы, вызванные телеграммой Гогена, которого я уже отругал за нее. По-моему, ты истратил не меньше 200 франков, верно? Гоген утверждает, что он поступил как нельзя более разумно. Мне же его шаг представляется совершенно нелепым. Ну, предположим, я действительно свихнулся. Но почему мой прославленный сотоварищ не повел себя более осмотрительно? Впрочем, довольно об этом.

То, что ты так щедро расплатился с Гогеном, — выше всяких похвал: теперь он не сможет сказать о наших с ним отношениях ничего, кроме хорошего.

Это, во всяком случае, утешительно, хотя обошлось нам, пожалуй, дороже, чем следовало.

Теперь он поймет, по крайней мере должен понять, что мы стремились не эксплуатировать его, а сохранить его здоровье, работоспособность и честное имя, правда?

Гаше сказал также, что я доставлю ему большую радость, повторив для него мою копию с «Положения во гроб» Делакруа, которую он долго разглядывал. В дальнейшем он, вероятно, посодействует мне насчет моделей. Чувствую, что он поймет нас и начнет помогать нам без всякой задней мысли, просто из любви к искусству, делая все, что он в состоянии придумать. Возможно, он закажет нам портреты или добудет нам заказы на них. Надо ему показать, что сделано мною в этой области. В смысле продажи уже готовых вещей это пока все. Но я уверен, будет день, когда на кое-какие мои полотна найдутся охотники. Думаю, однако, что шум, поднятый в последнее время в связи с неслыханными ценами, которые дают за работы Милле, лишь ухудшил положение вещей и уменьшил наши шансы возместить за счет картин хотя бы расходы на их создание. Ей-богу, от этого у кого хочешь голова кругом пойдет.

24 июня 1890

Прибыли полотна из Сен-Реми. «Ирисы» высохли, надеюсь, они тебе понравятся. Кроме них я получил «Розы», «Хлеба», небольшой пейзаж с горами и «Кипарис со звездой». На этой неделе написал портрет девушки лет шестнадцати в голубом на голубом фоне. Это дочка моих хозяев. Портрет я подарил ей, а для тебя сделал его повторение на полотне размером в 15*. Кроме того, написал «Хлеба» — картину шириной в метр и высотой всего в полметра, а также пандан к ней — рошу: лиловые стволы тополей и под ними усеянная цветами трава — розовые, желтые, белые и различные зеленые тона. Наконец, у меня готов вечерний ландшафт — две совершенно черные груши на фоне желтого неба, на фиолетовом заднем плане утонувший в темной зелени замок...

Вчера и позавчера писал портрет м-ль Гаше за фортепиано, который, надеюсь, ты вскоре увидишь: платье розовое, стена в глубине зеленая с оранжевыми точками, ковер красный с зеленым, инструмент темно-фиолетовый. Формат — метр в высоту на полметра в ширину. Я писал эту фигуру с большим удовольствием, но далась она мне нелегко.

Доктор Гаше обещал, что уговорит дочь позировать мне еще раз — теперь уже за фисгармонией. С ее портрета за фортепиано сделаю повторение для тебя. Я заметил, что это полотно отлично гармонирует с другим, более широкого формата, — я имею в виду «Хлеба»: одно из них, вертикальное, выдержано в розовых тонах, другое сделано в бледно-зеленом и желто-зеленом, то есть в цветах дополнительных к розовому. Правда, люди пока что еще далеки от понимания тех любопытных соотношений, которые, существуя между двумя предметами, объясняют и подчеркивают каждый из них в отдельности. Однако некоторые все-таки чувствуют такие соотношения, и это уже кое-что. Хорошо также и то, что современные туалеты часто являют собой очень приятные комбинации светлых тонов. Если бы дамы, которых мы видим на улице, соглашались позировать художникам, для искусства настали бы времена не менее благоприятные, чем в прошлом. Я даже нахожу, что сейчас натуре свойственно то же изящество, что и картинам Пюви де Шаванна. Так, например, вчера я видел две фигуры: мать в темно-карминовом платье, дочь в бледно-розовом и желтой без каких бы то ни было украшений шляпе. Это были здоровые женщины, настоящие сельские жительницы, загорелые и обветренные, в особенности мать с ее красным лицом, черной шевелюрой и бриллиантовыми серьгами, напоминавшая мне картину Делакруа «Воспитание Богоматери». А в выражении их лиц было что-то напоминающее голову Жорж Санд. Ты ведь знаешь, что у Делакруа есть ее погрудный портрет с коротко подстриженными волосами — с него еще была гравюра на дереве в «Illustration»¹.

30 июня 1890

Дорогие Тео и Ио,

Только что получил письмо с известием о болезни малыша. Был бы счастлив навестить вас, но меня удерживает мысль о том, что в данном печальном случае я окажусь еще

¹ Illustration (англ.) — иллюстрация.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**